

Властный мужчина перед глазами внезапно показался жалким. Чжоу Бупо продолжал иронично смеяться, но смех его больше походил на плач, вызывая щемящую боль в сердце.

Лань Шань пробормотал:

— Неужели этот мужчина...

— Да! Именно так!

Чжоу Бупо, с покрасневшими глазами, посмотрел на него.

— Этот клятвопреступник — твой великий дядя, которого ты так превозносишь!

— Он обманул мою мать, эту глупую женщину!

Чжоу Бупо скрежетал зубами от ненависти, пустая банка из-под пива в его руке деформировалась от сжатия.

— Но он всё же нашёл тебя, верно? Иначе как бы вы оказались вместе?

— Нашёл?! Он бы никогда не стал меня искать! Потому что он даже не знал о моём существовании.

Чжоу Бупо закрыл глаза и вздохнул.

— Может, мне просто повезло. После смерти матери меня взяла к себе добрая крестьянка из соседнего дома. Мать, видимо, понимала, что не выживет, и перед родами оставила письмо с именем этого человека и городом, где он жил. Она всё заранее предусмотрела, надеясь, что крестьянка передаст меня и письмо моему отцу. Эта семья действительно относилась ко мне хорошо. Видя, как я страдаю, они, несмотря на свою бедность, не позволяли мне ни в чём нуждаться. Они копили деньги целый год, чтобы отвезти меня в Пекин. Мы проделали долгий путь, и после нескольких месяцев поисков наконец нашли его.

Лань Шань поспешно спросил:

— А дядя, возможно, жил в трудных условиях или у него были причины, почему он не мог вас найти?

Чжоу Бупо усмехнулся:

— Причины? Конечно, у него были причины! Я расскажу тебе, какие это были причины. Вернувшись в город, он поступил в медицинский институт, а на следующий год женился на дочери своего профессора. Моя мать до самой смерти не могла понять, почему он нарушил своё слово. Причина была проста — он изменил свои чувства ради блестящего будущего. Мать отдала ему всё, что у неё было, а он отдал себя другой женщине!

— А как ты узнал обо всём этом?

— Из письма моей матери. Может, это была воля небес, что я всё это узнал. Я часто думаю, что, если бы та семья не отвезла меня к нему, я бы, наверное, был счастливее. Я сбегал из дома бесчисленное количество раз, пытаюсь найти ту семью, найти могилу матери, но... я даже не знал, куда идти. Моё появление нарушило его благополучную жизнь. Возможно, я... был лишним.

Он содрогнулся, делая вдох, и машинально прикрыл лицо руками, внезапно вспомнив свои чувства, когда впервые прочитал то письмо. Изящный почерк был испещрён слезами, которые разрушили его мир. Его мир стал наполнен гневом, бунтом и ненавистью ко всему. Лицо того человека, которое когда-то казалось добрым, за одну ночь превратилось в самое отвратительное и грязное.

— Чжоу Бупо...

Лань Шань мягко положил руку на его плечо, чувствуя себя тоже подавленным. Нос защекотало, а в глазах появилась влага.

Чжоу Бупо повернул голову, посмотрел на него, пожал плечами и с горькой улыбкой сказал:

— Со мной всё в порядке. Не смотри на меня с таким сочувствием.

— Хотя тот человек женился на другой женщине и у них родился сын, моя мачеха всегда относилась ко мне хорошо. С детства она относилась ко мне как к родному сыну, даже больше опекала и защищала меня, чем своего собственного сына. Я знаю, что она пыталась искупить вину того человека. Я не ненавижу мачеху, но ненавижу его. Его поступки я никогда не смогу простить! Я не могу забыть, что именно он своими руками погубил мою мать!

Голос Чжоу Бупо внезапно дрогнул. Лань Шань поднял взгляд и с удивлением увидел, как по его щекам текут слёзы. Это был первый раз, когда он видел, как Чжоу Бупо плачет. В его памяти этот наглый, ничего не боящийся мужчина сейчас казался таким же уязвимым, как ребёнок, и даже плакал так, будто боялся издать хоть звук.

Когда его обняли, Чжоу Бупо вздрогнул всем телом, обнаружив, что Лань Шань прижал его к себе. Чжоу Бупо, словно поражённый молнией, оттолкнул Лань Шаня.

— Что ты делаешь?! Я же сказал, что не нуждаюсь в твоём сочувствии! И особенно ненавижу, когда такие, как ты, меня жалеют! Со мной всё в порядке!

— Я... я не сочувствую тебе...

Лань Шань, глядя на его искажённое лицо, растерялся.

— Я... просто хотел утешить тебя, быть рядом...

Чжоу Бупо молча смотрел, потеряв дар речи. В его глазах боролись противоречивые чувства. Как Чжоу Бупо мог нуждаться в утешении от какого-то деревенщины?! Но когда Лань Шань снова мягко обнял его, Чжоу Бупо уже не смог его оттолкнуть.

— Я знаю, что тебе сейчас тяжело. Если хочешь плакать, плачь. Это поможет. Никто не увидит...

Лань Шань не стал обнимать его слишком крепко, лишь погладил его мягкие чёрные волосы, как будто гладил раненую птицу.

Чжоу Бупо застыл, даже дыхание его остановилось. С тех пор как он стал сознательным, никто так его не обнимал. Чем больше он чего-то желал, тем труднее было признать это желание.

— Дурак... Откуда я знаю, что ты не проболтаешься...

В его упрямом тоне сквозила слабость. Постепенно он расслабился, крепче обнял Лань Шаня

за спину и уткнулся лбом в его плечо. Вокруг витал запах Лань Шаня, и это было чертовски успокаивающе.

— Я ничего не вижу, я не проболтаюсь!

Лань Шань твёрдо сказал. Он и так ничего не видел, но всё равно старательно отвернул голову и даже закрыл глаза.

Чжоу Бупо слегка повернул голову, чтобы посмотреть на него. Его лицо было в слезах, он всхлипывал и шмыгал носом:

— Ты не видишь, но слышишь...

— О! Тогда я не буду ни смотреть, ни слушать!

Лань Шань тут же оттолкнул его, поднял руки и плотно закрыл ими уши. Чжоу Бупо, не ожидая такого, чуть не упал. Он посмотрел на Лань Шаня, который не только закрыл глаза, но, казалось, вообще отключил все свои чувства. Его нос и рот сморщились, а лицо покраснело от напряжения.

Чжоу Бупо сквозь слёзы рассмеялся. Ему казалось, что это смешно, но слёзы продолжали литься. Он сам не понимал, смеётся он или плачет.

Услышав смутные звуки, Лань Шань осторожно открыл один глаз и увидел лицо Чжоу Бупо, которое выражало смесь смеха и слёз. Но тут Чжоу Бупо строго посмотрел на него, и Лань Шань вздрогнул, тут же закрыл глаз и замер, как столб.

Чжоу Бупо снова не сдержался и рассмеялся, покачал головой и снова прислонился к его плечу. Он обнял этот «столб» за талию, и желание плакать постепенно исчезло. Теперь, когда он расслабился, голова начала кружиться, и он просто хотел так отдохнуть.

— Ладно, опусти руки. Тебе же неудобно.

Чжоу Бупо лениво сказал.

Действительно, он держал руки поднятыми уже полчаса. Даже когда Чжоу Бупо сам обнял его, он побледнел от страха и не шевелился. Теперь, услышав эти слова, он с облегчением опустил руки, но всё же осторожно спросил:

— Ты уже поплакал?

— Кто плакал?! Если ещё раз такое скажешь, я тебе глаза выколю и уши отрежу!

— Нет-нет-нет.

Лань Шань широко раскрыл глаза и замотал головой.

— Ты не плакал! Это я! Я плакал!

Опустив руки, он положил их на спину Чжоу Бупо. Теперь они действительно обнимались, грудь к груди. Лань Шань вдруг почувствовал неловкость. Первые два раза он сам обнимал Чжоу Бупо, чтобы утешить его, но теперь атмосфера как-то изменилась. Двое мужчин, обнимающихся так, казалось, выглядели странно.

Чжоу Бупо, однако, ничего не ощущал. Он прищурился, чтобы лучше разглядеть Лань Шаня, и заметил, что его лицо действительно было мокрым. Он хмуро усмехнулся:

— Это же случилось не с тобой. О чём ты плачешь?

— Не знаю. Просто вижу, как тебе тяжело, и не могу сдержаться...

Услышав такое откровенное признание, Чжоу Бупо почувствовал себя неловко. Он смотрел на Лань Шаня, который опустил глаза и иногда, как мышь, украдкой поглядывал на него. Его тёплое дыхание касалось лица Чжоу Бупо, создавая ощущение тепла и тумана. Это точно была та самая белая мышь, которую он держал, но почему-то теперь она превратилась в белого кролика?

Чжоу Бупо сильно моргнул. Всего шесть банок пива, и он уже пьян? Или этот деревенщина стал ему всё больше нравиться?

<http://bllate.org/book/16786/1543689>